

ЗАМѢТКИ О ТЕКУЩЕЙ ЛИТЕРАТУРѢ {*}

{* См. "Гражданинъ" No 15-16 и No 18.}

"Гражданин", No 19, 1873

Оригинал здесь -- <http://smalt.karelia.ru/~filolog/grazh/1873/7mayN19.htm>

VII.

Русская художественная литература есть одна изъ величайшихъ драгоценностей, какими только обладаетъ русскій народъ. Наука у насъ очень слаба; до сихъ поръ мы не успѣли доказать,

Что можетъ собственныхъ Платоновъ

И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ

Россійская земля рождать;

у насъ нѣтъ своихъ философовъ и филологовъ; есть отличные математики и натуралисты, но нѣтъ великихъ ученыхъ и въ этой области; русская исторія только подаетъ надежды на оригинальность и растетъ среди такихъ умственныхъ волненій и опасностей, что возбуждаетъ и страхъ за себя. Одно только ясно и несомнѣнно: у насъ есть своя поэзія, есть великіе и самобытные художественные писатели. Нашъ литературный языкъ уже обладаетъ полною свободою и зрѣлостію; онъ уже есть достойное орудіе для выраженія высочайшихъ и эфирнѣйшихъ движеній духа. И на этомъ языкѣ есть произведенія всемірной красоты и неумирающаго значенія; еслибы завтра исчезло русское царство, мы все-таки оставили бы міру свое наслѣдіе и новые народы обязаны были бы свято беречь для себя поученіе, содержащееся въ нашихъ художественныхъ произведеніяхъ.

Какъ это случилось, почему именно въ художествѣ слова всего ярче и успѣшнѣе проявился русскій духъ, -- вопросъ трудный. Можетъ быть разгадка заключается въ свойствѣ самого искусства, въ томъ, что оно не требуетъ строгой сознательности, а между тѣмъ выражаетъ свое содержаніе полнѣе и глубже, чѣмъ всѣ сознательныя формы. Такъ *Лѣтопись села Горохина* есть лучшая критика на Карамзина; такъ начало вѣрнаго пониманія нашей исторіи нужно считать съ *Капитанской дочки*.

Русскій духъ какъ будто *поспѣшилъ* высказаться въ искусствѣ, прежде чѣмъ успѣетъ высказаться въ другихъ формахъ русской жизни.

Къ несчастію, хорошее пониманіе такого высокаго и драгоценнаго явленія, какъ наша литература, очень трудно, почти невозможно для большинства нашей публики. Это происходитъ и отъ высоты самого явленія, недоступной для понятій мало-развитыхъ, и еще болѣе оттого, что понятія нашей интеллигенціи безпрестанно направляются въ сторону впечатлѣніями другаго рода, или возбуждаются къ дѣятельности совершенно ненормальной. Вотъ почему наша изящная словесность, какъ и многое другое въ русской жизни, принадлежитъ къ явленіямъ загадочнымъ, таинственнымъ.

Недавно намъ встрѣтился очень рѣзкій образчикъ той великой смутности понятій, которая господствуетъ въ этомъ отношеніи въ публикѣ и въ ея наставницѣ -- журналистикѣ. Въ прошломъ году гр. Л. Н. Толстой издалъ свою "Азбуку". Эта "Азбука" собственно не азбука, хотя въ ней есть и алфавитъ и склады и пр.; это скорѣе дѣтская хрестоматія, величиною въ пятьдесятъ печатныхъ листовъ. Половина этой хрестоматіи состоитъ изъ произведеній самого составителя, или совершенно оригинальныхъ, или заимствованныхъ, но передѣланныхъ такъ, что часто они имѣютъ весьма мало общаго съ оригиналомъ. По намѣреніямъ автора, это -- маленькія художественныя произведенія, которыя назначаются для дѣтей только потому, что, по своей простотѣ, должны быть доступны всѣмъ возрастамъ.

На эту книгу очень вооружился "Вѣстникъ Европы". Одинъ изъ главнѣйшихъ упрековъ состоитъ -- въ чемъ бы вы думали? Въ томъ, какъ могъ Л. Н. Толстой возымѣть претензію *самъ сочинять!* "Вѣстникъ Европы" говоритъ объ этомъ съ негодованіемъ, съ горечью. Послушайте, въ самомъ дѣлѣ:

"Авторы (такого рода, какъ Л. Н. Толстой) всего болѣе хлопочутъ объ оригинальничаньи: имъ во что бы то ни стало хочется провести собственное міровоззрѣніе, нерѣдко изъ рукъ вонъ какое узенькое и щедушное. Для достиженія этой завѣтной мысли они неустанно *фабрикуютъ* безчисленныя статьи *собственнаго, домашняго, нетребовательнаго (?) издѣлія*. Утомившись такою *отчаянною самопроизводительностію*, они охотно прибѣгаютъ къ хорошимъ иностраннымъ книжечкамъ, безъ усталости черпаютъ изъ нихъ, передѣлываютъ, *коверкаютъ, окуцываютъ, разжижаютъ*, т. е. неузнаваемо